

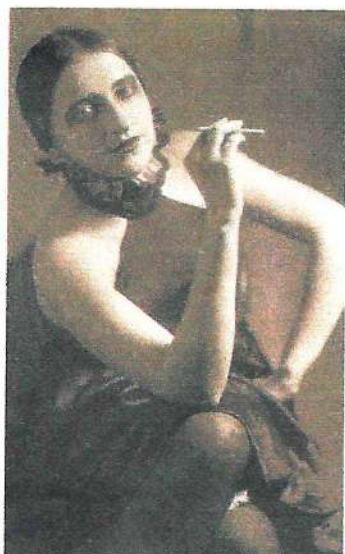
рисунок, живопись, скульптура, архитектура, композиция, история искусств

ЖУРНАЛ

№ 10

2002

Московского Академического Художественного Лицея
Российской Академии Художеств

Москва

В институте им. В.И. Сурикова. 1955 г.

Kälberer's graphische Trockenheit einer klaren Rollenzzeichnung verschärft die Ironie seiner Bühnengestalten.

Графическая сухость ясного рисунка ролей Кельберера усиливает ироничность его сценических образов

В детстве с бабушкой, Сухановой Натальей Леонидовной

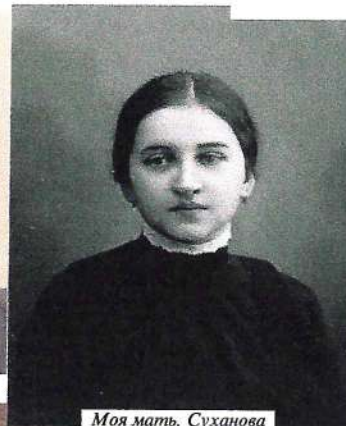
А. Кälberer

STAATSTHEATER
W. MEYERHOLD

Дед

Бабушка

Моя мать, Суханова Мария Федоровна (в гимназии)

Всеволод Эмильевич Мейерхольд

В.Э. Мейерхольд и Александр Моисси, немецкий драматический актер.

Моя мать в роли Аксуси ("Лес" А.Н. Островского)

В эпизодической роли

Первый выпуск режиссерских курсов В.Э.Мейерхольда (третий слева - отец, стоит - З.Раix, внизу справа - Э.Гарин)

Мое детство прошло в семье актеров Театра им. Вс.Мейерхольда. Мой отец, Кельберер Алексей Викторович и мать, Суханова Мария Федоровна работали в этом театре с его основания в 1921 году до закрытия в 1937.

В роли Лидочки ("Свадьба Кречинского" А.В.Сухово-Кобылина)

Переиграли на сцене этого театра множество ролей. В нашей семье был культ этого театра и преклонение перед его основателем, режиссером-новатором Вс. Мейерхольдом. Сохранился архив родителей: книги, воспоминания, фотографии и актеров, афиши; письма и записки Мейерхольда, адресованные родителям (ЦГАЛИ).

М.И.Царев, В.Э.Мейерхольд, И.В.Ильинский, Ю.М.Юрьев

В роли Невесты ("Клоп" В.Маяковского)

Белая ночь. 2001 г.

**Б.А. Кельберер.
Воспоминания (продолжение).**

Вместо предисловия:

“Кто имеет право писать свои воспоминания? Всякий. Потому что никто их не обязан читать. Для того, чтобы писать свои воспоминания, вовсе не надобно быть ни великим мужем, ни известным артистом, ни знаменитым злодеем, ни государственным человеком. (Только их и издают кое-каких). Для этого достаточно быть просто человеком. Иметь что-нибудь для рассказа и не только хотеть, но сколько-нибудь уметь рассказать “.

*А.И.Герцен, “Былое и думы”
(предисловие к четвертой части).*

“Каждая жизнь интересна - если не в отношении к личности, то к эпохе, к стране, в которой она живет...”

“Что касается нас, то мы говорим очень просто. Нам кажется, что писание есть занятие, годное для мирянина и для всякого другого, как всякая другая работа. Здесь, по крайней мере, “право на труд” не может подвергаться сомнению. Найдет ли этот продукт потребителя, это другой вопрос.

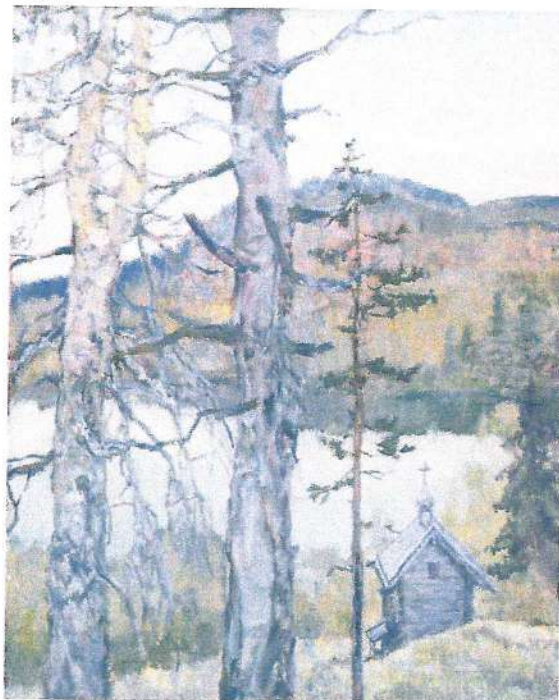
(Из предисловия к английскому изданию, 2ч.)

Неожиданно раздался телефонный звонок. Говорил Николай Иванович Андрияка. “Приходи в школу, надо поговорить”. Не мог предположить, о чем будет разговор. “Хочешь работать в школе, в старших классах, вести масляную живопись? Знаешь, пришли молодые педагоги, трудно стало работать, ничего не умеют”.

“У меня тоже может не получиться”.

“А ты попробуй. Все-таки эту школу закончил, многое знаешь...”

Вроде бы получилось. Так и проработал 11 лет. С 1970 по 1981 год.

Скит. 2001г.

У Э.П.Гарина. Пишется портрет.

Мне повезло. Это были лучшие годы моей жизни. Шел на работу, как на праздник... Годы, наполненные общением с интересными людьми, с талантливой молодежью, у которой можно было учиться, приобретать собственный опыт, проверять законы искусства на практике... В эти же годы активно работал в мастерской (времени и сил хватало). Три дня в школе, остальное время свободное - свое. Написал ряд картин по договорам. Выставлялся в Манеже на Всесоюзных и Республиканских выставках, а также выполнял заказы с командировками в Комбинате живописного искусства...

В этот период 1970-81 гг. наметился определенный подъем: это было обусловлено историческими и другими объективными обстоятельствами. Подобно тому (о чем уже писал) расцвету, который школа переживала в эвакуации и несколько лет позже. Теперь все изменилось, времена настали совсем другие... и наступил новый расцвет.

Попробую рассказать об этом времени, вспомнить наиболее интересные эпизоды из жизни школы: как жили люди, чем занимались, как работали, как проводили свободное время. Сначала послушайте общие рассуждения, почему школа переживала новый подъем. Многие могут не согласиться с этим, ведь были годы до и после, там тоже было много хорошего (и плохого). Но в этот "период застоя", как теперь принято говорить, школа жила

своей плодотворной, обособленной жизнью, и никакого "застоя" не наблюдалось.

Тому следующие причины:

Первая причина - роль Академии Художеств и ее Президиума. Главное - это финансирование. Моя жена, Антонина Сергеевна Верятинна, работала главным бухгалтером, до мельчайших деталей знала все финансы, сметы и т.д. и рассказала все: как, на что и зачем транжирилось. Перечислю основное: собственно школа, интернат (гос. обеспечение, одевали, кормили, стипендии детям и т.д.), база в Новом Иерусалиме (лагерь, практики там), домики для педагогов, питание учащихся, столовая в школе (очень хорошая), гараж - машина и два автобуса, летние практики в разных далеких прекрасных местах, оплаченные билеты, суточные, натурные, штат натурщиков - были потрясающие старики, обнаженная натура, творческая помощь педагогам (повышение квалификации), окантовщики, развесчики, выдавались художественные материалы ну и многое другое.

Поскольку ученики школы должны были переходить сразу в художественный институт им. Сурикова, то подготовка была очень серьезной. Помню, был у меня выпуск: С.Присекин, С.Оссовский, Е.Ткачева и др. талантливые ученики. Пришел "институт" и из Министерства культуры - и ахнули, это, говорят, уровень первого курса, и даже повыше. Были, естественно, поставлены все пятерки по всем спец. предметам. Все поступили!

Поэтому члены Президиума Академии Художеств часто посещали, заботились, выделяли или ругали преподавателей за перегруженность постановок или другие методические огрехи. Особенно А.М. Грицай - читал целые лекции на эти темы. Ф.П. Решетников - записывал в записную книжку фамилии *всех* учащихся. Зачем? Ходили долго, просматривали *все* классы

(даже младшие) очень подробно. Устраивались конференции по рисунку, живописи, в комнате Президиума Академии Художеств. Отчетные выставки лучших работ двух школ в Ленинграде. Была проведена выставка к 30-летию МСХШ, с участием педагогов, в стенах Академии. Утверждена программа в Ленинграде у Угарова, президента Академии Художеств. Где она теперь? Зачем ученые дяди теряли время, долго изучали ее, проверяя все пункты и количество часов на все постановки, подробно обсуждали правильность методов преподавания и разнообразие методических задач в постановках. Почему сейчас это забыто? Там было заложено много верного, многое найдено и сформулировано. Где эта программа? Что скажете, господа художники?

Вторая причина - сложившийся сильный профессиональный коллектив художников и преподавателей общеобразовательных дисциплин. Свидетельство тому - общие вечера, праздники, встречи Нового Года... Рисовались большие панно - старались изобразить друг друга с изумительным портретным сходством (доброжелательные шаржи). Рисовальщики были отменные. В спортзале устраивалась елка, накрывали столы... Со сцены говорились речи, тосты, звучала музыка, танцевали все как могли. На бутылки приклеивались рисованные этикетки (в целях маскировки - продолжалась антиалкогольная кампания). Или снимался ресторан (по праздникам) - это было тогда доступно. Было весело. Взаимоотношения были доброжелательные, никто ни с кем не "боролся", не подсиживал друг друга. Не было группировок, раздоров, косых взглядов. Все это возникло позже, потом, и "борьба", и ссоры и анонимки. Не хочется писать об этом... Многие наши преподаватели побывали за рубежом, в странах народной демократии и Бенилюксе. После детских практик могли отдыхать на базе в Новом Иерусалиме. Словом, все эти обстоятельства

способствовали успешной работе и приводили к успехам.

Третья причина - состав учащихся. Подошло время, когда дети московских художников стали поступать в школу. Естественно, что они были лучше профессионально подготовлены, чем остальные. Каждый день видеть, как их родители трудятся над картинами и другими произведениями, часто бывать в мастерских, рано начать рисовать, иметь дело с красками - словом, жить в атмосфере настоящего искусства.

Стал считать, и получилось, только у меня, в моих группах, учились 42 ребенка - дети членов МОСХа. Были талантливые и иногородние мальчики, девочки (интернат), и просто сами, без поддержки, поступившие по конкурсу. Но основу все же составляли дети художников - отсюда и качество учебы, и поступление в ВУЗы.

Еще: предпочтительнее на вступительных экзаменах выбирали мальчиков рабочего происхождения. За этим внимательно следили представители Мин. культуры. Формировались группы по спец. предметам с очень хорошей подготовкой. Бездарностям просто не было места, они не смогли бы удержаться, как бы их ни тянули (были отдельные случаи, но это как исключение). Не было никаких платников (это сейчас появилось в худ. институтах). Это гримасы нового времени - каждый может учиться где угодно, были бы деньги у родителей (все дети рисуют). Отдать ребенка в художественную школу или ВУЗ, значит сделать собственное "дите" несчастным неудачником или дилетантом, как бы и кто бы его ни учил. Неужели это не понятно богатым родителям? Ведь заниматься искусством - не в игрушки играть. А для общего развития достаточно изостудии. Пусть занимаются компьютерной графикой.

Был случай: народный артист Вицин привел дочку, ее приняли в 4-й класс. Что я ни делал, ничего не получалось, да и ребенок измучился. Пришлось родителям взять ее домой из школы. Д.П. Черняеву пришлось везти другую девочку в Белоруссию, домой, в

середине года. Учились, конечно, и дети известных родителей, но их было сравнительно мало. Многие наши ученики стали известными мастерами. Жиль, что куда-то исчезают таланты-девочки, а были удивительные.

Еще очень важно: Третьяковская галерея находилась напротив, народу было мало - можно было ходить туда каждый день, бесплатно. Кто хотел, тот ходил часто и учился там сам.

Леший. 2000г.

Четвертая причина, пожалуй самая важная - утверждение, назначение директором Н.И. Андрияки. Кончилась директорская чехарда. Нужен был лидер, авторитет, человек, преданный делу, хозяин, художник. Он обладал сильным характером, чувством высокой ответственности за жизнь и судьбу вверенного ему училища. Как говорил один натурщик, "Когда он царство принял", все стало меняться. Налаживалась дисциплина. Больше внимания уделялось постановкам, хотя критиковали его за перегруженность

детальями, а он любил сложные, большие натюрморты, ставил их долго, то же и с фигурными постановками. Но все равно делал то, что считал нужным. Никогда не делал мне никаких замечаний, не вмешивался в мою работу. А я ведь только начинал, опыта не было. Только с любопытством смотрели на мои тоже большие постановки. Позволяли мне все: огромные (для ребят) холсты, двойные постановки, лежащие обнаженные со сложными многослойными фонами, писание мастихином, другие чисто технические задачи. Ребята были в полном восторге, сложность задачи вызвала невероятную творческую активность - и результат был, одобрение и любопытство "вышестоящих товарищей". Хотя начались разговоры о "дублировании" с институтом - вот, мол, придут в ВУЗ, там и начнется высший пилотаж. **Ничего подобного!** Молодости свойственно увлекаться, и надо ловить этот миг. А институт само собой, там и засохнуть можно... Все это прекрасно понимал Николай Иванович, т.к. сам всегда увлекался, все делал со страстью и интересом, активно жил на работе. Поручил мне написать введение к программе по композиции (где она?). Я очень старался, написал, используя накопленные в творческой работе знания, много разного, важного, как мне тогда казалось. Слушал внимательно, улыбнулся (улыбка была особенная, завораживала, притягивала, одно слово - харизма, как теперь говорят), сказал: "Молодец, как Пушкин написал". Особенно понравилось ему "в гуще жизни" - он любил жизнь во всех проявлениях, его волновали страсти человеческие, взаимоотношения людей, борьба, патриотические проявления; настоящий коммунист-романтик - видел все приподнято, необыкновенно, как бы отстраненно..., философски. "Бог создал небо и землю, а посередине печаль, вот эта печаль и есть искусство". Каково? Так начиналось его выступление в Ленинграде на общей конференции двух школ. В номере гостиницы состоялась подготовка его

речи. Вел хронометраж К.М. Молчанов - фиксировал время, чтобы Н.И. уложился (доклад был длинный). Конечно, он не укладывался. "Коля, Коля! - так нельзя, надо быстрее". А он не умел, не хотел. И опять все сначала: "Бог создал небо..." И так много раз!

"Дети" были "запущены", сами работали, никто не смел бездельничать. Разобрали на детали старый будильник - вынули колесики на стержнях, придумали игру (убить время): на стекле запускался маленький волчок, он крутился, замирал, гудел, стоял на месте. Засекали время, у кого дольше прокрутится. Были рекордсмены в этой игре, у кого сильнее пальцы. Со стороны смотреть, странная картина, все склонились над столом в молчании, как заговорщики. Бесшумно возник Николай Иванович. Суровый взгляд голубых глаз... подошел к столу. Ну, подумали, сейчас будет разгон, все зависело от его настроения. "Можно мне попробовать?" и с азартом включился в игру - так прошел еще один урок...

Поздний вечер, школа опустела, только в кабинете у Н.И. горит свет... Избранные педагоги выпивают в мастерской, дверь заперта, стучать кодом. Резкий стук... Стоит в пальто и шляпе. "Можно мне с вами? Я ведь тоже устал". И... начинаются бесконечные воспоминания о войне, об учебе в Академии... сидим до полуночи, он не замечал времени, курил без конца, прервать неудобно, уйти нельзя... Благо такси доступно. За 3 рубля можно доехать домой в любой час, и безопасно. Москва была спокойным тихим городом...

Он часто оставался ночевать у себя на диване, готовил отчеты, занимался развеской, экспозицией в коридорах. Один раз мы вдвоем сделали новую выставку, старались точно подобрать "соседей" к его любимым работам учеников. Всегда с кем-нибудь носился, восхищался работами (Жачелаевой, Корягиной, Кочетовой - любимых было много). Я уехал домой, он пошел спать... Наутро - все перевешено. Все сделал сам - один.

Обычно на собраниях, педсоветах, различных "посещениях" садился рядом с Володей Астаховым (Астахов Владимир Васильевич замечательный рисовальщик. Остроумный и ироничный человек). Наблюдали за происходящим, возникал, как бы второй план, делились намеками, впечатлениями, незаметно переговаривались, смотрели и оценивали многое одинаково, с юмором... Особенно забавно было наблюдать за академиками и другими "товарищами" профессорско-преподавательского состава высшей школы после официальной части...

Вот и сейчас Н.И. позвал в кабинет "актив". Сам был особенно торжественный, нарядный, с указкой в руке. Весь кабинет был заставлен мольбертами, на которых стояли планшеты с планами, чертежами, схемами и просто раскрашенные пейзажи неведомой местности... На этом фоне сидел очень пожилой человек - архитектор.

- Ему 200 лет, - сказал тихо Володя.
- Не меньше.
- Я тебе говорю.
- Похоже...

Он долго и невнятно что-то рассказывал, потом взял слово Н.И.: "Это проект будущего нашего лагеря на Истре. Вы видите перед собой то, что в недалеком будущем осуществится, станет реальностью, уже есть договоренность с местными властями Волоколамского района о поставках нужных материалов. Будет вырыт водоем, бассейн (это на горе!), вокруг которого расположится спорткомплекс из стекла и стали. Лестницы и пандусы будут спускаться прямо к воде, вышки для прыжков в воду, стеклянные переходы. Поодаль расположится жилой комплекс в старорусском стиле, разбит парк, который украсится деревянной естественной скульптурой, состоящей из пней, коряг, останков больших деревьев, которым будет придана форма парковой скульптуры...

Кругом повсюду разбросаны подсобные службы, столовая, домики для преподавателей, мастерские. Смотря на

эти эскизы, представился эдакий “город Солнца” - город будущего. Почему-то вспомнился лозунг: “Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме!”

Н.И. говорил долго... рассказывал в деталях, как все это ему представляется. Под конец выступления вдруг сказал: “Что мы? Мы только навоз, удобрение, на котором произрастают наши будущие молодые таланты”. Зашумели, - никому не хотелось быть навозом...

Последний романтик, он серьезно увлекался этой идеей, хлопотал, ездил в Волоколамск, договаривался с какими-то дядями, которые, конечно, его обманывали. Кое-что было сделано... Пригнали бульдозер с ковшем, все лето рыли пруд, корчевали деревья и кусты, из зеленых лужаек окрестных живописных уголков бугор превратился в пыльный, унылый пейзаж. Огородили всю территорию сварным железным забором. Он, как Великая Китайская стена, то возвышался, то нырял, опускался в овраги, то опять возникал в недоступных местах; все равно проникнуть на базу можно было везде, стоило легко перепрыгнуть через эти заграждения...

Пруд так и не наполнился водой. На сухом его дне накапливалась свалка: ржавые кровати, консервные банки, битое стекло и прочая рухлядь. Ограда заметно поубавилась, целые секции ее куда-то исчезли. Наехала санэпидемстанция - вода была признана негодной. За питьевой водой ходили к роднику под гору...

О творчестве Н.И. нужно писать большое исследование, нужен опытный талантливый искусствовед. Наследие его, материал, созданный им, огромен и уникален. В этом убедился на его выставке в школе его сына Сергея. Переходя из зала в зал, открывал для себя незнакомые, не виданные доселе (он не показывал, стеснялся) фронтальные этюды и рисунки. Был скрыт период его учебы в Ленинградской Академии, у Савинова. Представилась целая система преподавания

тональной живописи, в которой он проявился как большой мастер. Его неповторимый серебристый колорит в сочетании с тоном создавал целые серии великолепных этюдов - “дороги войны” и послевоенные пейзажи. Очень хочется увидеть наконец его большую монографию... Это необходимо сделать! Это был человек- борец, романтик, непримиримый борец за правду с инакомыслием, порой жестокий... и добрый, внимательный педагог, всепрощающий и терпимый к тем, кого любил (Молчанов, Завгородний, Тараканова). Тончайший художник-лирик, скромный бессребреник - ничего для себя, все для школы. Администратор-дипломат, защищающий школу на всех уровнях от всех нападков... Как-то мы встретились на Всесоюзном выставкоме (он принес портрет матери). С горечью сказал: “Как виртуозно ни преподавай, времени на творчество не остается”.

Кузнецов

Николай Николаевич.

Узник немецкого лагеря Штудхоф. Юношей попал в плен, выжил благодаря таланту художника. Рисовал, был замечен. Увеличивал фотографии немецких офицеров, жен, невест и т.д. Получал за это какие-то продукты и спас этим многих своих товарищей пленных, Страх голода остался в нем навсегда - если оставался хлеб (в столовой), он брал и прятал его в карман. Делил конфетку на 8-9 одинаковых частей...

Рисовальщик редкостного дарования. Преподавал рисунок в старших классах. Однажды на просмотре его группы увидели: большие рисунки, голова Давида - длительное задание. У всех учеников одинаковые, великолепно построенные и отштрихованные головы, как в старой Академии. Он садился и каждому правил рисунок, т.е. доводил каждый рисунок до совершенства. Его не похвалили за это, но поняли, что это была школа показа, - все видели, что может сделать мастер.

В комнате педагогов, под потолком, висел настоящий самолет ПО-2,

двукрылый. Уменьшенная действующая модель покачивалась от сквозняков, будто летела. Это была вторая модель. Летом весь лагерь вышел в поле: был праздник - испытание полета. Самолет взлетел, парил в воздухе, но сильный порыв ветра опрокинул его, он упал и разбился. Николай Николаевич сделал второй. На столе лежали чертежи, инструменты, разные материалы - все делалось по-настоящему, по точным схемам самолетостроения. В свободные дни он делал самолет. И... писал картину: большая, во всю стену, закрытая холстом. Редко кому показывал. На ней был изображен лагерь военнопленных. В первые месяцы плена за колючей проволокой находились тысячи людей -прямо на изрытой земле они жили, вдали вышки охраны, земля, люди и небо. За 11 лет моего пребывания в школе я видел много вариантов этой картины (он показывал мне) на одном этом холсте... Главный герой картины - солдат - то стоял, то поворачивался, садился, менялись движения, ракурсы. Кругом люди - пленные солдаты - сидели, ложились, опять вставали, стояли группами на заднем плане, потом исчезали. Менялась погода, небо, освещение, состояние. Так без конца.

Многострадальный холст был перегружен красками, скоблится, переделывался много раз - Николай Николаевич никак не мог согласиться с очередным решением, и все продолжало двигаться. Это была мучительная работа, но он упрямо шел к одному ему известной цели.

Был он еще теоретиком преподавания рисунка. Писал труды и изобретал свои методы, конструировал приспособления к этому. Например, изобрел "комбайн": доска-мольберт-стул, все объединялось в один блок -было компактно и удобно сидеть и рисовать в этом комбайне. Говорил: "Хотите, я сброшу это с пятого этажа, и ему ничего не будет". И действительно ничего не разбилось. (Проект не осуществился). В зале Президиума Академии Художеств

было совместное заседание академиков и преподавателей -Николай Николаевич делал доклад на тему рисунка головы. Все шло путем (как теперь говорят), пока он не дошел до следующего: "Давайте попробуем: представьте себе, что все ваши головы (присутствующих) обтянем женским чулком. Т.е. все детали - уши, нос и т.д. будут подчинены одной большой форме, превратятся в болванки разной конфигурации..." Все напряглись и представили себе, как будут выглядеть, например, академики: большой череп Кибрика с выступающим носом, или голова Решетникова, огурец Кеменова и др. Раздался громкий смех, переходящий в дружный хохот - все увидели соседей совсем в другом свете. Напряжение спало. А ведь в этом был определенный смысл?

Как-то позвал меня Николай Николаевич Кузнецов в подвал, где горой были навалены совсем новые столы, кресла, тумбочки под полированное красное дерево, книжные полки и другая списанная мебель. Ярко горел огонь в печи, поглощая все новые порции - горели красиво, сухие полированные доски трещали, извивались от жара. Мы с Николаем Николаевичем с остервенением, каким-то диким азартом разбивали об пол новые прекрасные вещи. Оргия уничтожения, бесполезность акции, усиливали наше неистовство. Акт варварства и тупости. Неужели нельзя было все это подарить бедному детскому саду или больнице (не знаю). Оказывается, нельзя - если не уничтожить (соответственно составить акт), то не дадут новых средств по этой статье, и пропадут деньги... Взамен привозили новую, значительно худшую мебель. Вот еще самое ужасное: были буквые мольберты, таких сейчас не делают. Видел в салонах "испанские" из бука стоимостью в 16 тысяч рублей. Так вот: эти мольберты тоже приказали списать, т.е. уничтожить. Отвезли на базу, где Платоныч (вахтер) тупой ножовкой пилил их на дрова. Хорошо некоторые педагоги написали заявления о "временном"

пользовании (до сих пор работаю на нем). Привезли новые сосновые, хлипкие, тоненькие. Они быстро расклеивались, приходилось делать укрепляющие клинья. Такую же варварскую картину наблюдали во дворе Библиотеки им. Ушинского, рядом. Горел большой костер, в нем корчилась мебель почище нашей. Столики-бюро, ореховые, с многочисленными ящичками, шкафы, картотеки, диваны и др. Наши художники сумели кое-что спасти, упростили отдать им... Тайно, конечно...

“Экономика должна быть экономной” - лозунг.

Молчанов

Константин Михайлович.

Тихий маленький седой человек, остроумный собеседник, рассказчик, шутник - прошел всю войну артиллеристом, дошел до Берлина, сделал там, как Николай Иванович, огромное количество фронтовых рисунков, этюдов. (Они выставлялись вместе в зале на ул. Усиевича). Скромный, деликатный, застенчивый человек - большой мастер-художник.

Заслуженный работник культуры. Когда-то закончил балетную школу и вместе с известным пейзажистом Морозовым танцевали в пачках танец маленьких лебедей на МОСХовских капустниках. Вместе с бригадой писал картину со Сталиным... но ничего не вышло, остались должны большую сумму. На предварительных просмотрах всегда звал меня - ставить ученикам отметки. Всего боялся, всего стеснялся, как бы не ошибиться...

Смотри, вот Смирнов и Цыплакова не родственники ли? Да нет, однофамильцы. Знаешь, а вдруг? Давай на всякий случай поставим 4.

Или просит меня: Возьми на практику мальчика. Фамилия его Аладьев. Константин Михайлович произносил Ауадьев.

Зачем? Я его не знаю, и группа уже составлена, - говорю я.

Возьми, возьми, так надо, - глубокомысленно подмигнув, просит он.

Папа оказался крупным чиновником. Ну, взял... Этот Ауадьев оказался редкостным бездельником и лентяем. Сидел целыми днями на койке в общежитии. В Медвежьегорске - кругом красота, белые ночи, ребята пишут, делают композиции, устраиваем просмотры, выезжаем на Икарусах в разные красивые села. Комары едят, конечно, но ничего, в целом практика состоялась. А Ауадьев? - ничего.

“Ну и подвел ты меня, Константин | Михальч, зачем взял? Что толку?”

“Ничего, ничего, так было надо...”!?

Все уговаривал меня, тянул на звание. Все приготовил, всю ночь сидел, писал характеристику. И... не донес. Нашли в кармане.

Шухвостов

Олег Михайлович

Когда я поступил на работу в МСХШ в 1970 году, после занятий, вечером стали часто ходить “к морю”. Меня приобщали к атмосфере, среде, разговорам. Инициатива исходила от Шууха (Олег Михайлович) и Кузнеца (Кузнецов Николай Николаевич). Они каждый день ходили туда, не спешили домой. Если пройти Лаврушинский переулок, дойти до канавы, повернуть направо - начнутся одно- и двухэтажные домики. Они и сейчас стоят там, мертвые, покрашенные казенной краской, в них какие-то офисы (без вывесок) или еще что-то непонятное. А в 1970 году все кипело, бурлило в них - там находились реставрационные мастерские, магазинчики, просто жили обыватели. В одном из таких домиков была автопоилка - магазин-автомат, где можно было выпить хорошего вина (выбор поначалу был разнообразный: разные портвейны, вермуты, мадеры и т.д.). В Москве в те годы было много таких автопоилок и рюмочных повсюду, - полагался обязательный бутерброд. Вся набережная была полна народом, мужики группами, компаниями стояли,

разговаривали, никакого хамства-хулиганства. Это называлось пойти, постоять “у моря”... Особенно любил эти собеседования Шух. Он, потомственный москвич, знал много баек, рассказов; что, где и когда находилось до революции: названия всех трактиров, ресторанов, кто в каком доме жил - словом, история Москвы и московских улиц-переулков была для него как открытая книга, и он читал ее с наслаждением. Был большой гурман. Любил покушать на Пятницкой миноги, угрей, еще копченую салаку.

Он был настоящий актер. В Учпедгизе, где он сотрудничал, была организована художественная самодеятельность. Ставились настоящие спектакли. Он играл там комические роли. Плотный, небольшого роста, курносый блондин в очках (был близорук), подвижный, веселый, громогласный, суетливый. Не мог усидеть на месте: покачивался, прыгал, - это был настоящий орел, - и взлетал! Руки превращались в крылья, кончики пальцев изгибались, он ловил ветер и начинал парить неподвижно над землей... Это надо было видеть. Как-то увидел у него альбом рисунков, сделанный еще в старой школе (он был ровесником всех корифеев и рисовал удивительно точно). Очень жаль, что не развился в творческого художника. Совсем не работал. Учпедгиз погубил его, как и многих других наших выпускников.

Конечно, все это выглядит смешно и наивно, но разница с современными прагматиками, четкими деловыми людьми - большая. Эти были чудачки, а на них и земля держится. Люди были уникальные, теперь таких нет, все вышли. Они были преданы своему делу, жили на работе, о каждом можно писать и писать. Это только малая часть, что можно. А что нельзя, осталось за кадром.

Завгородний

Владимир Иванович.

Человек забавный, смешной и странный, ветеран Великой Отечественной

войны. Николай Иванович очень любил и защищал его, прощал ему его выходки, курьезы, скажем так. Рассказы, случаи, связанные с ним, всегда сопровождали любое застолье. Представьте себе уменьшенного народного артиста Баниониса, добавьте к этому кудрявую голову, густые торчащие кустистые брови и глаза, как угольки горящие - будет портрет Владимира Ивановича. Постоянно куда-то спешащий, он был повсюду и так же быстро исчезал. Педагог был опытный, переводчик - переводил с акварели на масло. Натюрморты ставились с расчетом. Были теплые, в целом, в общей гамме, а рядом холодные. Я не видел, кто бы это так понимал, как Владимир Иванович. Твердил все время: “Ребята, перестаньте ставить набор предметов (даже гармоничных), не в этом дело. Необходимо проследить общую конструктивно-колористическую задачу”. А колорист Владимир Иванович был отменный, очень остро чувствовал это. Лежа во фронтовом госпитале, изобрел неожиданную технику: наклеивание бумажек. Вырезались из журналов, разной конфигурации, размера и цвета - получалась богатая гамма-мозаика. Таким методом он сделал несколько пейзажей - впечатление было поразительное, столько свежести, воздуха, красоты - не понятно, как и чем сделано. Простыми красками достичь этого невозможно. Я попробовал один раз сделать эскизы в Комбинат этим методом - все получилось. Интересно делать эскизы этим методом к картинам - сразу возникает целое (картинное пятно) и ритмы цвета и тона. Это позволяет избежать в эскизе дробности и иллюстративности.

У него был свой собственный натюрмортный фонд. В шкафах хранилось множество разных тканей, предметов, восковых муляжей, утвари (прялки, блюда, книги и т.д.). Увидит какую-нибудь тряпочку цветную, все прячет. Также делал заготовки, когда была зарплата. В общей педагогической мастерской везде рассовывал разные купюры, потом забывал и мучительно искал, перебирая горы подрамников, холстов, книг и т.д. И когда, наконец, находил - это надо было

наблюдать, -спина и вся поза его выражали радость.

Каким-то летом я дал ему адрес в Карелии, где жил мой друг, прекрасный художник Соснов В.А. Оба были рыбаки-удочники. И "понеслась косая в баню", "не разлей вода". Гуляли до тех пор, пока все деньги кончились, и в деревне никто уже Виктору не давал взаймы. За это время Владимир Иванович собрал 12 ящичков-коробок (!) всякой старинной настоящей утвари. У местных бабушек собрал все тканые дорожки, иконы (еще оставались) складные, медные, отмачивал, стирал дорожки-половики в озере, в сети с поплавками запихивали. В. Соснов рассказывал, как его сажали (пьяного) в поезд с этим грузом, и как он доехал до Москвы? Неизвестно...

Был он тоже трусоват, всякий раз просил меня ставить отметки, тоже, как и К.М. Молчанов всего боялся, убегал, прятался. Наутро являлся, как ни в чем не бывало, нарядный, выбритый и приступал к занятиям. Ребята его любили.

Лисенков

Валентин Александрович.

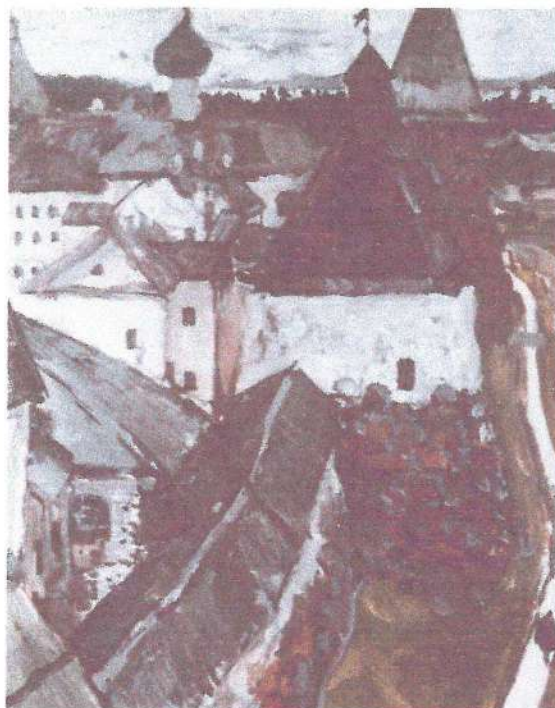
Характер нордический, стойкий, с товарищами общителен и дружелобен, отличный семьянин...

Фигура монументальная. Одевается модно, со вкусом: белый картузик а la Остап Бендер. Во всем любил дисциплину и порядок. Опоздать на его урок нельзя, натурщиков наказывает рублем. Говорит, все должно быть четко, ясно, плотно. "Сегодня день был очень плотный". "Надо, надо, надо, надо нам ребята" - любимая песня. "Все подключено: обком, горком и т.д." Все собрания, все заседания, речи, выступления в МОСХе - фиксируются в записной книжке бисерным почерком. Знает и помнит *всё*. "Ты в каком котле?", - спрашивает. Котел - это разные творческие объединения в МОСХе: сельскохозяйственные (земля и люди), производственные (заводы, стройки

коммунизма), военно-шефская комиссия (поездки на границу, к пограничникам), водяные, морские, речные (голубые дороги) и др. Можно получить договор и участвовать на очередной республиканской выставке. Я говорю ему: "Я сам по себе работаю". "Напрасно, я в трех котлах".

Творчески очень активен, работает много, из поездок всегда привозил горы книг, собирает раритетные издания, иконы, скульптуры. Из Ленинграда привез целый музей слепков античной скульптуры - там форматоры дешево продают качественные копии. Дома у него музей - протиснуться трудно, все забито.

Соловки. Практика. Все четко: подъем, отбой, "Все на Метеостанцию!" (Зачем? - там делать нечего). Ребята и так день и ночь (белая) работают много. "В порт!"

В Соловках. 1972г.

"День отдыха" - всем отдыхать, стирать белье в озере, купаться... После случая в порту, когда нас арестовали, Валентин завел дружбу с пограничным начальством. Меня через проходную части не пропускали. Был там спец.

Юность Карелии. Триптих. 1978 г. (фрагменты)

магазин, где он покупал ребятам банки тушенки (куриной) и баклажанную икру, и хлеб, и др. продукты. От столовой отказались, каждому выдавался паек и чай из титана. “Хочешь, я тебе костюм кушлю, недорогой, импортный - дефицит!” -Купил. Для себя Валя купил там дубленку (тогда редкость) и часы с

кукушкой, еще чего-то много - целый большой рюкзак.

Город Кемь. Отъезд. Вокзал. Поезд стоит мало, группа большая, у всех много вещей, этюдники, планшеты, теплая одежда, рюкзаки... Перепутали порядок номеров вагонов, мы оказались в хвосте - пришлось бегать через целый состав.

Кижы. Триптих. 1985 г.

Валентин во главе: “Вперед, вперед! Бегом!” Оставил мне свой планшет (у меня свой, и рюкзак). Попробовал сдвинуть с места - не получается -будто там камни... Оказалось, в планшете, очень широком, помещалось у него все: большой этюдник с красками, картон с написанными этюдами, а написал он их много... (2 этюда в день). Волоком, из последних сил, кое-как дотащились до своего вагона.

Человек сильный физически, в жизни был скромен и деликатен. Никогда не ругался. Самое сильное выражение: “Это слишком, это тебя не красит”. Брал от жизни все. Возил практики в Среднюю Азию. Любил менять места, там и случилась с ним беда... серьезно заболел. В мастерской сгорели все его работы... Царство небесное.

ИЗ ПУТЕВЫХ НАБЛЮДЕНИЙ. СОЛОВКИ

(Олег Пархаев,
ученик 6 “Б” класса.)

Архангельск встретил нас неприветливо. Небо было заложено тяжелыми серыми тучами, дул ветер с моря, холодно, неуютно. А принимая во внимание почти бессонную ночь в вагоне с беспорядочными возлияниями - неуютно и холодно вдвойне.

В порту ветер был сильнее.

Архангельский порт с виду кажется небольшим: стоят два-три пассажирских судна, парусник да несколько буксиров. но если вскарабкаться повыше, к памятнику Петру Первому работы Антокольского, то увидишь уходящие вдаль по Двине многочисленные мачты торговых судов с иностранными флагами. Подобно гигантским

жирафам опускают и поднимают свои “шеи” порталные краны.

Преподаватели наши исчезли в здании Адмиралтейства - пошли приобретать билеты, приобретали они их долго.

<Билетов не было вообще. Только благодаря В. И. Лисенкову удалось достать две каюты. - Б.К.>

“Идет шторм”, - объявил радиорепродуктор порта.

Мы, притихшие, поднимались по шаткому трапу на борт “Соловков”. Билеты, приобретенные нашими вождами в Адмиралтействе, были на две каюты, в которых должно было разместиться шестнадцать человек.

Теплоход сильно качало - обещанный шторм.

В каюте было темно. Из мрака торчали чьи-то ступни. Под ногами кто-то лежал. Из угла раздавался храп.

Мы делаем последние шаги по мосткам пристани и ступаем на землю Соловков.

Входим под своды приземистых ворот: над ними некогда висела икона, но теперь ее нет, и даже кирпичи на ее месте выбиты на несколько сантиметров в глубину.

Теперь мы внутри соловецкого Кремля. Турбаза находится в кельях так называемого “здания на погребах”.

После длительных переговоров с администрацией нам, наконец, выделяют две кельи на шестерых и

В Соловках. 1972г.

одну келью на четверых человек. По сравнению с каютами теплохода, это невероятная роскошь.

Прежде цветущий и цивилизованный край теперь находился в запустении и убожестве. Ветер гулял по руинам. Наверное, так выглядел Рим, по которому прошли варвары.

И, как апофеоз разгрома, на колокольне вместо положенного креста торчала пятиконечная звезда.

Утром, часов в восемь, слышалось: "Подъем!" Потом это же самое слышалось в девять и в десять часов.

Медленно поднимались со своих узких "монастырских" кроватей. Кто-то шел в магазин за консервами, кто-то бежал за кипятком.

Завтрак тянулся до двенадцати часов, после чего являлись Лисенков с Кельберером (которого мы именовали Бельведером) и вели нас на этюды.

В три часа обедали, потом опять работали. В девять часов устраивался просмотр сделанных за день работ.

А вот после просмотра начиналась Жизнь. Совершив возлияние, шли гулять по монастырю, распевая монархические песни. Лезли на башни, бродили по стенам, спускались в сырые подземелья.

Ночи были белые, и потому понятие времени как-то стерлось.

Возвращаясь на базу, столкнулись с нашими бравыми педагогами. Лисенков был в кителе и широченных галифе. Кельберер шел впереди и, указывая на своего коллегу, восторженно приговаривал: "Маршал Жуков, ну прям маршал Жуков".

И действительно, он был похож на легендарного маршала.

– Такой момент, – начинает говорить Жуков-Лисенков. – Уже час ночи. Администратор сердится на шум. Нам пошли навстречу, мы тоже идем навстречу. Уже час ночи, а у вас такой момент, ходы в сторону. Можно пойти сейчас точки поискать. Для этюдов. Погода балага... балага... балагаприятствует. Такой вот

момент. А у вас все накладки, все ходы в сторону. Завтра чтобы в девять.

Утром в дверях появился Лисенков.

– Такой момент, – начал он, как всегда. – Идем писать акваторию. Сейчас момент очень интересный, состояние. А там корабли стоят. Военные.

Он начал руками показывать, какие военные корабли.

Путь к акватории лежал по улицам поселка, мимо каких-то безразмерных амбаров, сараев, мимо сухого дока. Затем путь пролегал мимо склада с боеприпасами, которые никто не охранял.

Расположились табором. Началась работа.

От одного из военных судов отделилась шлюпка и направилась в нашу сторону. Из нее бойко выпрыгнули на берег два матроса с автоматами и один офицер. В то же время со стороны суши к нам подошли еще три матроса. Мы оказались в окружении. Всю нашу компанию под конвоем повели в воинскую часть, здесь начался длинный разговор между Лисенковым и офицерами.

– Вам же русским языком было сказано, что нельзя, – возмутился капитан второго ранга.

– Да мы ведь не шпионы, не диверсанты.

– Мы понимаем, но вам же не разрешили.

– Но я разговаривал тут с одним. Был момент.

– С кем это вы разговаривали?

– Был тут такой. Маленький, черненький.

– Тут все маленькие и черненькие.

– Так мне почти разрешили.

– Что вам тут еще разрешили?

Это противозаконное деяние. Все работы нужно конфисковать.

– То есть как это конфисковать? У меня не стыкуется. Нехороший момент получается.

– Уж чего хорошего, – согласился капитан второго ранга.

– Да я до самого адмирала дойду!
– ревел Лисенков. – И без всяких ходов сторону.

Стали изучать наши этюды на предмет предосудительности, и тут оказалось, что все писали стены и башни монастыря, что вовсе не являлось угрозой для военной тайны. Один лишь Саша Колесников, соблазнившись морской романтикой, добросовестно изобразил морскую базу со всеми ее секретами. Вот этот шедевр и конфисковали.

– Ты, мальчик, не расстраивайся, – успокаивал его один офицер. – Твою картинку мы в матросском клубе на стенку повесим. Ты дарственную надпись сделаешь, а мы тебе за это что-нибудь подарим, жди.

И Саша ждал.

ОБРАТНЫЙ ПУТЬ

Въезжаем в Кемь. Вечер ясный и солнечный. Над городом, над синей рекой, протекающей посреди него, над старинной деревянной церковью висела радуга.

С первого взгляда Кемь похожа на большую деревню с чистыми и опрятными домиками, с тенистыми улицами. А зелени в Кемь очень много, что совсем уж не характерно для этого сурового края: ведь город стоит на сплошном гранитном монолите. Огромные каменюги, как туши доисторических животных, то тут, то там проступают между домов. Некоторые мостовые вырублены прямо в природном камне.

Передернулись вагоны, и поезд трогается.

Все сидят в молчании. Вещи свалены в проходе, загроможда путь. Ближайшие соседи по вагону – матрос и солдат-тунгус, оба демобилизованные; матрос все время спит, а когда просыпается, зовет тунгуса опохмелиться. Тот нехотя слезает с верхней полки и идет за матросом в вагон-ресторан.

Туда же канули и наши

преподаватели. Их не было видно до позднего вечера; наконец, явились, любезно поддерживая друг друга, встали в проходе и, глядя себе под ноги, запели. Пели они душевно, старательно, не пропуская ни одного слова.

А за окном шла карельская тайга. Иногда деревья обрывались, открывая синюю гладь реки или озера.

Июль 1971г.

Пусть простят меня те, о ком не упоминаю, просто пишу тех, с кем близко соприкасался, с кем был дружен, с кем возникли наиболее искренние товарищеские отношения.

Это Валентин Павлович Шишкин – мой друг, командир роты разведки во время Великой Отечественной войны, с ним прожита целая жизнь за стенами школы. Я привел его к Николаю Ивановичу – они проговорили пол ночи, и Валентин начал успешно работать в школе. С большой теплотой вспоминаю время общения с Володей Астаховым, Германом Незнайкиным, Борей Гуциным, Виктором Барабановым, Валей Борисовым.

С Евгением Григорьевичем Гаврилкевичем сидели на одной последней парте в МСХШ на Переяславке. Знакомые с 1944 года, и сейчас вместе – можно написать целую книгу о нашей большой, многострадальной жизни.

Живая жизнь школы и ритм ее, стали постепенно уходить. Кончился период подъема... Новый исполняющий обязанности директора наводил новый порядок: “Мне нужны *шкрабы*”, – заявил он (какое дикое слово). Все эти художники не нужны. Все пустые, красивые слова (имея в виду Николая Ивановича Андрияку), все эти дутые программы, всю эту лирику, многословие – запретить (или уничтожить). Стал придумывать какие-то непонятные нововведения, какие-то часовые сетки,

какие-то баллы за постановки, придумал связь всех общеобразовательных и специальных предметов, например, как влияет физика на живопись или химия на рисунок и т.д. - словом, началась какая-то ересь, и никто ничего понять не мог. Работать стало тяжело, неинтересно, с трудом отсиживались эти часы. Подгруппы по спец. предметам были слабые, увеличилось количество троечников. Дисциплина упала, прогуливали даже спец. предметы (объективные причины). Подали заявления об уходе (по собственному желанию) ведущие педагоги-художники.

Начинал эти заметки с телефонного звонка, телефонным звонком и закончу. Позвонил ко мне Федор Павлович Решетников, вице-президент Академии Художеств. Долго уговаривал взять заявление обратно, обещал всяческую помощь в работе. Обещал также навести порядок в школе. Я сказал, что подумаю. Долго, мучительно решал, что мне следует сделать, как поступить?.. Наутро позвонил секретарю, поблагодарил за доверие и... отказался...

Наверное зря, думаю теперь.

11 мая 2002 г.

Рисунки выпускника МАХЛ РАХ 2002 г.
Усмана Шайдулина

Терзиянц Александр Николаевич
Сотрудник охраны

И пойду по дороге крутой,
Окутанный белым туманом,
Храня образ твой,
Что увлекла не обманом.

И пусть будет долог мой путь,
Тяжел и тернист, как прежде.
Сомнениям меня не свернуть,
Я верен светлой надежде!

13.10.2002

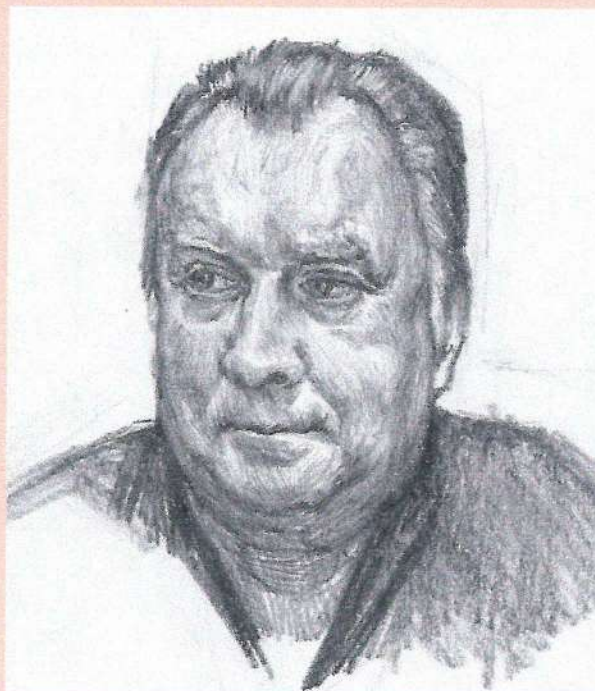
Стихи Макеева Григория Григорьевича,
военнослужащего, начальника охраны
МАХЛ РАХ.

НАДЕЖДА

Ночь купает месяц в пруду,
Серебря водную гладь.
Я к тебе сегодня приду,
Чтоб раненое сердце отдать.

Я отдам его навсегда
Без страха и сожаленья
Осторожно возьмешь, и тогда
Оживу с благословенья.

А если спрячет ночь
Чистый месяц надежды,
Незаметно уйду я прочь,
Облачась в монашьи одежды.

Волков Михаил Владимирович
Сотрудник охраны

Мачков Альберт Викторович
Сотрудник охраны

Вы – мое настроение,
Неистовый крик в ночи,
В промозглой тьме просветление,
За горизонтом лучи.

Вы – мое вдохновение,
Глубинная тайна души.
В запутанных дебрях самнения,
Тропинкой надежды мелькает в
глуби.

Вы – мое спасение
В жестоких штормах бытия.
Не захлестнуло горение
Душевных истоков огня.

01.87

Жились Вы не в сновидении,
Я Вас увидел наяву.
Вы мой источник вдохновения,
А значит, я еще живу.

Осенний ветер, тихий и
прохладный
Теплу тепнущи: "прощай".
А в этот месяц листопадный
В душе моей бушует май!

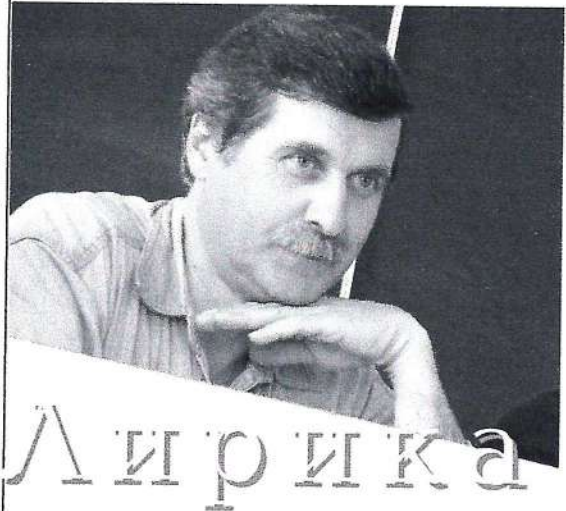
10.10.2002

Г е о р г и й Ш и ш к и н

Сделано, наверное, немного,
Но не стоит мучиться собой.
Оставляю в качестве залога
Сборник рукописный всеблагой.
Оставляю то, что в этом мире,
Может быть, не нужно никому.
Каждого сыгравшего на лире
Все равно когда-нибудь поймут.
Пишется, по счастью, бескорыстно,
Хлеба славы Муза не подает,
И печальюсь - жизнь проходит быстро,
Не успею написаться всласть.

Мечтаю выспаться, как в детстве,
Без снов, надежно, от души,
А то бессонница, как бедствие,
Меня способно сокрушить.
Всего лишь сутки в сельском доме,
Чтоб печь натоплена была,
Чтобы мурлыкал кот в истоме,
Вкусивший моего тепла.
О, нужно выспаться, тем боле,
Весна нагрянет, все снесет
И, разгулявшись на воле,
Все ночи для любви возьмет.

Лето пресеклось похолоданьем,
Радость жизни пресеклась тоской.
Можно излечиться лишь свиданьем,
И согреться можно лишь с тобой.
И тогда развеюсь и утешусь,
Не замечу возвращения в быт.
Главное - с отчаяния не повешусь,
Раньше срока вдруг решив убыть

Главное, что зрение вернется,
Слух прорвется, радость оживет,
И душа сверчком вдруг обернется
И у печки громко запоет.

С каждым днем прибавляется осени,
С каждым днем убавляется свет,
Но прозрачнее стало на просеке,
Мне знакомой с наивных лет.
Но свободнее стало под кронами –
Золотой катастрофы итог.
Непреложно благими законами
Управляет в природе Бог.
Значит, мной управляет тоже,
И во мне нарастает покой,
Только сердце никак не может
Успокоиться рядом с тобой.

Сумеречье во мне слабеет,
Завершает зима труды.
Ветер свежий печали развеет,
Я сорвусь с житейской узды.
Слишком долго на воле не был,
Слишком долго томился душой.
Надоело все – хочется в небо,
Тронуть хочется луч золотой.

И еще один лист оборвет ветерок
вдохновенья.
Моя осень пришла - будет много
опавших листов.
Милосерден господь - забываются
все потрясения
И безумства любви, разрушающей
душу и кров.
Остаются стихи, остаются светить и
молчать,
Как молчат в небесах необычно
далекие звезды.
Я пришел, чтобы звезды с душой
сочетать,
Беспредельность земного с
быстротечием счастья и грезы.

Мир возвратил тебя ко мне,
Разлука завершилась светом,
И снова мне гореть в огне,
Зажженном тихо этим летом.
Дарован, в жертву принесен
Мой дух твоим глазам желанным?
Неважно, он уже снесен
Порывом сильным, светозарным.
Где он сейчас, в какие кущи
Его внезапно вихрь унес?
Он жив - он растворился в сущем,
Где ты одна и россыпь звезд.
Гореть, желать заветной муки,
Изведать радостный очаг.
Блажен, что принял твои руки
И тело запалил в ночах.

Да славен мир, где ты явилась,
Где ты повелеваешь мной
И ласку нежную, как милость,
Даруешь в час наш золотой.

Мне все отрадно незнакомо
В твоей таинственной земле.
Я в ней, желанием влекомый,
Как путник жаждущий - к воде.
Спешу на тихое признание,
Произнесенное тобой.
Да славен мир, где есть призванье
Быть у единственной слугой.

Снег в лесу уже осел,
Утратил чистоту и нежность.
Я в одночасье постарел,
Приняв апреля неизбежность.
Я вдохновенно не запел,
Движенья крови не убыстрил,
Не запыхал, а лишь затлел
От маленькой весенней искры,
И надобно смириться мне,
Что с миром я не побратался,
Что в тайном радостном огне
Не закричал, не заметался,
И только тихий тайный звук
Возник в душе преображеньем,
И выпал лист заветный с рук
Внезапно явленным твореньем.

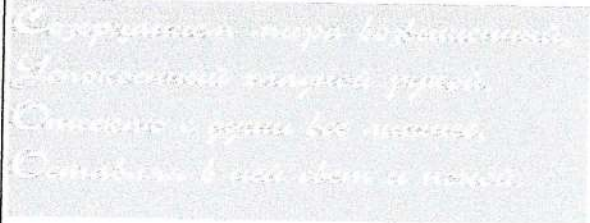
Я научил тебя терзаться,
Жить с переполненной душой
И рано утром просыпаться
В истоме легкой золотой.
Я научил тебя печали,
И сам беру ее урок.
Я легок, светел, за плечами
Нет пройденных еще дорог.
И в обольщении редчайшем
Мне жить приходится давно
И мучиться, и ликовать редчайше
С тобой, конечно, заодно.

Твой взгляд я в своем расплавил
И сам без остатка сгорел.
Господь наши души направил
К великому таинству тел.
Господь позабыл свою кару,
Мы все же ему дороги.
На месте святого пожара
Два взгляда - две ярких дуги.
Как будто энергия страсти
Из тайны явилась на свет.
Я умер, ах нет, я во власти
Твоих огнетрепетных лет.

Оживаю к зиме, согреваюсь,
Вновь люблю, но спокойней, мудрей.
И, любя эту жизнь, не терзаюсь,
Что придется расстаться с ней.
Собираю по крохам терпенье,
Несуетно к себе иду,
В каждом новом стихотворении
Я прозрачен, я весь на виду.
Созерцанием мира возвышенный,
Успокоенный хладной рукой,
Отсекаю с души все лишнее,
Оставляя в ней свет и покой.

Старый дом, одиночество, дождь.
Все совпало, о чем мечтал.
Но не бьет вдохновения дрожь,
Белый лист я напрасно достал.
Стало быть, посижу и так
И послушаю раннюю грусть.
Не зажегся в душе моей знак,
Не читает душа наизусть.
Завершается время стихов,
И стихает дождя причитанье.
Выпью кофе, и всех-то делов
Остается мне не прощанье.

Жизнь моя отмечена стихами,
Прошлое осталось на листах.
Над моими давними словами
Звездочка мерцает в небесах.
Звездочка о вечности пророчит,
Заставляет строже быть к себе,
А душа на небеса не хочет,
Ей отрадна служба на земле.
Ей желанны прошлого страницы,
Отблеск счастья до сих пор на них.
Ткань стихов, подобно плащанице,
Сохранит мой лучезарный лик.

В плену снегов

part two

Осточертели все метели.
Ударьте, граждане, в набат!
Сугробы-боровы разъелись
И на пути у всех лежат.
И хочется все Этны мира
Нацелить в снежные стада,
Чтобы лавины шли с Памира,
Чтоб снег развеять навсегда.
Ну а пока - авто буксует,
И поезда в плену снегов.
Стихия над землей бушует,
Зима выходит из берегов.
И только в сельской глухомани,
Где дом отмечен лишь дымком,
Савраску запрягают в сани
И мчат по снегу с ветерком.
А после, подзамерзнув малость,
Благословляют путь домой
И, как неслыханную сладость,
В избе вкушают дух печной.

...

Есть каждому явлению объяснение,
И грусть моя берет исток в тебе.
Она своим невиданным течением
Пробила русло мощное в судьбе.
И темны воды тайного потока,
И не промерить глубину шестом.
И молишь, чтобы не было потопа,
И чтоб река не высохла потом.

...

Как тяжелые эшелоны,
Громяхают дожди по ночам.
Мне бы спать, но природы законы
Заставляют предаться стихам.
И не пишется по мановенью
Музы ласковой и родной,
И часами сидишь, вдохновенья
Ожидая всей страстной душой.
Не придет, и бумага останется
Не исчерченной сильной рукой.
Муза, милая моя странница,
Как давно не встречалась со мной.
Что ж, и это не самое худшее,
Нет стихов, но в покое я сам.
Дождь омыл мою душу заблудшую,
Воскресаю, как бог, по ночам.
Что-то в голосе тихом природы
Обретаю, всех истин ядро.
Видно прожиты главные годы,
Но немало наломано дров.
Но, впадая в мудрость, как в море,
Нет желанья стенать и грустить.
В каждом новом житейском узоре
Я ищу только золотая нить.

...

Казалось, что дождь неизбежен,
Казалось, что грусть навсегда.
Такого жестокого ливня,
Казалось, не знали сада.
Все кончено - умерло лето,
Теперь посиди-ка в избе.
Дожди наложили вето -

Уже не пройдешь по росе.
И плохо в душе и природе,
Размыта меж ними тропа.
И Музе я - неугоден,
Давно не приходит строка.
И только одно утешает –
Ненасстья опала пройдет.
И то, что сейчас угнетает,
В заветные строки войдет.

...

Сушь великая завершилась,
Ливень вымолен у небес.
Благодарно сухими вершинами
Принял влагу ближайший лес.
А живительный шум, нарастая,
Обживался в природе кругом.
И кричали птицы, летая,
В высоту, где творился гром,
Вот и сгнула лютая сила,
Превратившая солнце во зло.
То, о чем душа так молила,
С этим ливнем в нее снизошло.
Угасают лесные пожары,
Напитаются влагой поля.
Сушь великая кончилась жаром,
Одарившим стихами меня.
...
Во дни, когда все станет безнадежным,
И ты решишь, что можно уходить,
Ну потерпи и будь поосторожней –
Еще раз, может, выпадет любить.
Еще раз может, выпадет писать
И причаститься к таинству стиха...
Так не забудь, что может удержать
Лишь перышко, лишь капелька греха.

...

Листья - данники паутины
На тончайших подвесках висят.
Нынче - осени именины,
Кружки с брагой вот-вот взлетят.
Будут резать свиней толстокожих,
Будут свадьбы гулять в деревнях.
Изогнувшись на тоненьких ножках,
Будут чахнуть опята на пнях.
А природа пахнет грибами,
Пряным духом, озимой травой.
А природа владеет мозгами,
Как владеет тело душой.
И на празднике осени ранней
Паутинки опугали лес,
Чтобы путники знали заранее,
Что творится под сенью небес.
Вот и я забредаю в лесное,
Оборвав паутинок мильон,
Постигая архипростое –
Жизнь незримо пошла под уклон.

...

Осень - пора стихов,
Время духовной страды.
Серпы октябрьских ветров
Страстно звенят в эти дни.
Осень сметает природу,
Ужас погрома во всем.
Это - агония года,
Скоро и листья сождем.
Только душа не угасла,
Нынче она без сна,
Занята делом прекрасным –
Святые спасает слова.
Будет ли сбор обильным,
В сроки ль смогу начать?
Осень, и я, как ссыльный,
Прикован к столу по ночам.

...

Непостижима суть природы,
Но страстно я хочу понять,
О чем шумят весною воды
И томной осени обряд.
Хочу постичь законы лета
И песни птиц перевести.
Мне интересно слово ветра
/Постой, блокнот не унеси!
В горах великое молчанье
Перечеркнет вдруг камнепад.
Так в сердце рушится отчаянье,
Нет боле для любви преград.
И свет таинственный и дольний
Почувствую всем естеством
И потянусь к перу невольно,
И Муза посетит мой дом.
Хочу понять вселенной сложность.
“Утопия!” - воскликнешь ты.
Но без стремленья к невозможному
Не оживут мои листья!

...

Первый снег очень скоро растает,
Он не выживет в ноябре.
Налетит белокрылая стая
И исчезнет, как жалобный бред.
Только утром, пред самым рассветом,
Снег некрепкой лежит пленой.
И не все замечают этот
Обречённый покров неземной.
День приходит и снег умирает
Под колёсами страшных машин.
В городах так обычно бывает,
Здесь природу мы не храним.
И, забившись в свои квартиры,
Непогоду клянем мы в сердцах.
Но ведь есть и другой ещё мир
Где-то рядом, в полях и лесах.
Он раскинулся просто и грозно,
Снег сокрыл его до весны.
Только здесь писать и возможно,
О земле моей чудной стихи.

...

Не плавилось солнце, теплом истекая,
А тихо сияло на небе вдали.
И кротко стояла природа земная,
И стыла под солнцем в декабрьские дни.
Как редко декабрь светозарным бывает,
Чтоб искры метались на свежем снегу.
Обычно же тучами весь зарастает,
И я от потухшего неба бегу.
Унынье, возможно, с дождём выпадает
И долго скрывается в лужах больших.
Бывает, неделю безудержно тает
Снег, капая с жирных лоснящихся крыш.
И счастлив я, ныне в природе - иное,
Как чисто снега подо мною звенят.
И хлад благородный и солнце немое
Поэзию в мире издревле творят.
Отрада моя, Подмосковье святое,
Я снова твою познаю красоту.
И сердце моё, от забот ледяное,
Оттаяло вдруг, прошептав: "Я живу!"

...

Первое июля - перемена ветра,
Чуть похолодало в этот день.
Первый лист уж потеряла ветка,
К вечеру уже длиннее тень.
Слабые, ничтожные явления,
Но душа заметила, зашлась.
Это осень первые сомненья
Поселила в сердце и ушла.
Это осень голоском девичьим,
Прошептала лету: "Торопись..."
На мгновенье схлынул гомон птичий,
Перемена ветра - надо ввысь.
Я изведал грустные минуты,
Я в природе чувствовал исход.
Перемена ветра вносит смуту,
В мирозданье, в душу и в блокнот.

...

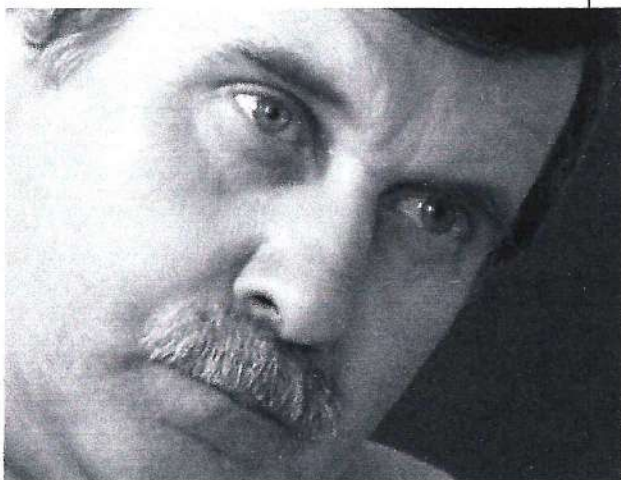
Листва падет недели через две,
И осень станет жалкой и ненужной.
И отразится в умершей воде
Лесов нагих тишайший ужас.
И можно будет долго у воды
Сидеть, застывши, созерцая
В природе пору без вражды.
Ну разве осень не святая?
Её божественные раны,
Её стыдливый нежный свет
Достойны, чтобы наши храмы
Могли в честь осени гудеть!
Ещё недели две продлится
Знаменьё для живущих здесь.
И надо мудро согласиться,
Что осень - это смерти весть.
Что всё, изведенное нами
В эти недели и часы
С души снимает груз страданий,
Чтоб после не сломать весы.

...

Блаженно первое июля.
Две трети лета предваря,
Оно гудит рабочим ульем
И криком дачного дитя.
Оно в душе покой спасает,
Снимает ржавчину забот
И тихо-тихо угасает,
Как музыка в тетради нот.
Ещё звезда середины лета
Не встала над моей душой,
Но нить от Бога до поэта
Первоиюль задел рукой.

...

Дни предосени светоносны,
Тихо-тихо лишь где-то звонят.
И большие стога, как погосты,
Позабывтые всеми стоят.
Мимо них по пыльной дороге
Можно долго, долго идти.
И, конечно же, думать о Боге
И за лесом к Нему взойти.
В эти дни не писать - святотатство,
Пусть томление духа пройдёт.
И не нужно хвалы и богатства,
Когда осень в природу грядёт.
А нужны свеча и бумага,
Шорох ежика робкий ночной,
И, двуликой камеей Гонзаго –
Вдохновение вместе с луной.

...

Что нашепчет мне дождь стыдливо,
И в бессоннице будет ли прок?
Не хочу, чтобы дня суетливость
Показалась вдруг между строк.
Жаль, устал, и так медленно сходит
Напряженье забот и работ.
Дождь пока сам себе колобродит,
Туч сплавляет громадный плот.
И сидеть бы и слушать, забывшись,
Тихий говор ночного дождя.
И свечу, как и встарь, затепливши,
Я, быть может, и понял себя.

...

Вот и первые признаки осени-
Мглистые, дождливые рассветы.
Грибники аукают на просеках,
И тревожно на сердцах поэтов.
Я боюсь и жду с благоговением
Время разрушающихся дней.
И не будет смерти промедления –
Мир распят на гвоздиках дождей.
И туманы, налитые влагой,
Возлежат подолгу на полях.
И стоят бутылки с грубой брагой,
Думают о свадебных столах.
Господи, ведь август умирает,
Годы жизни резво так бегут.
Первый лист в траве уж догорает,
Первые стихи вот-вот придут.

Георгий Шмишкин
ЛИРИКА

Контра Рука

Маленький дворец Великого Герцога. (Люксембург)

"На буржуев смотрим свысока..." (Брюгге, Фландрия)

На своих двоих амстердамцы приходят домой только зимой. (Амстердам) **Ни шагу назад! (Вильнюс)**

Котора Кука

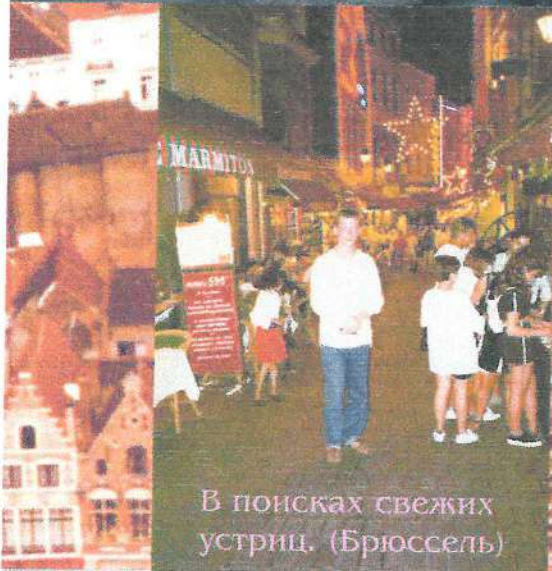
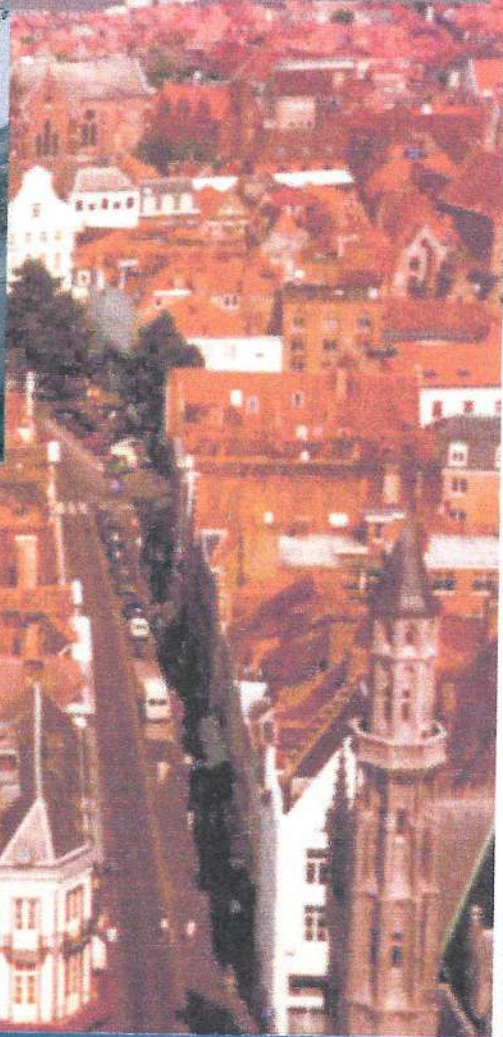
И здесь Блюменштрассе... (Люксембург)

Встреча с резидентом назначена на 9 утра... (Рыночная площадь в Кранове)

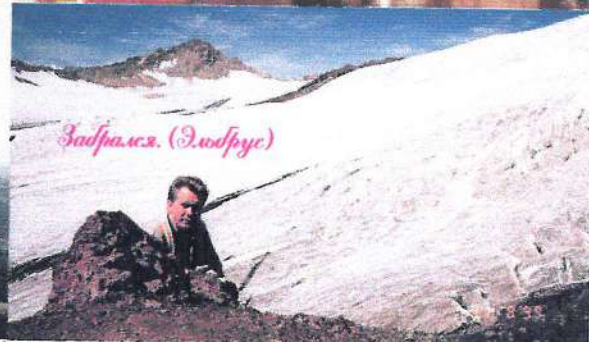

В чужую деревню за... (Аландские острова)

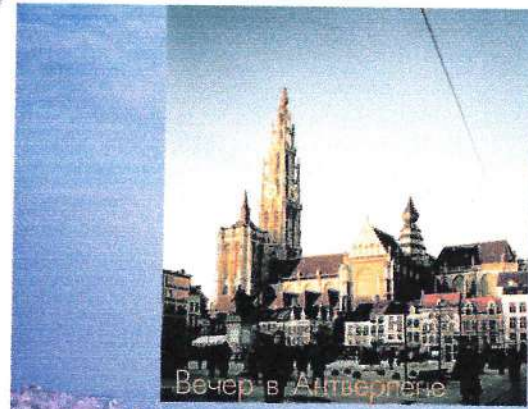
В поисках свежих устриц. (Брюссель)

Дунай, твои воды замутнились... (Будапешт)

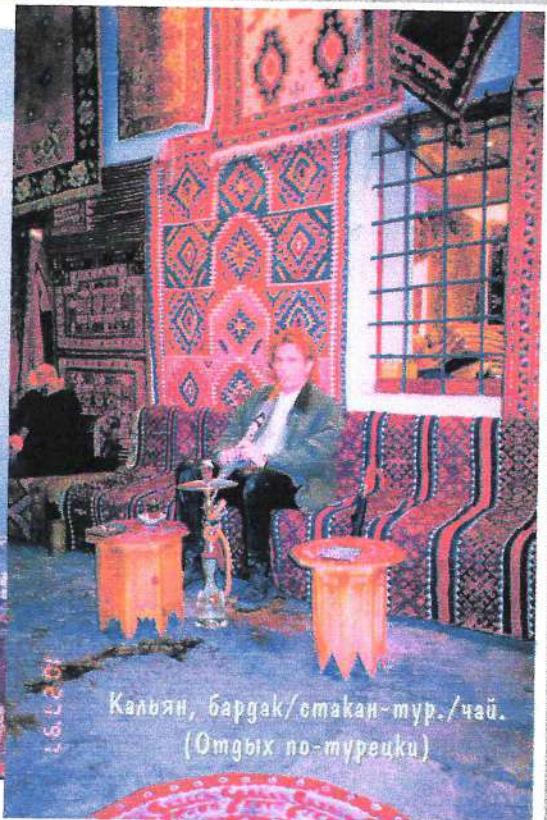
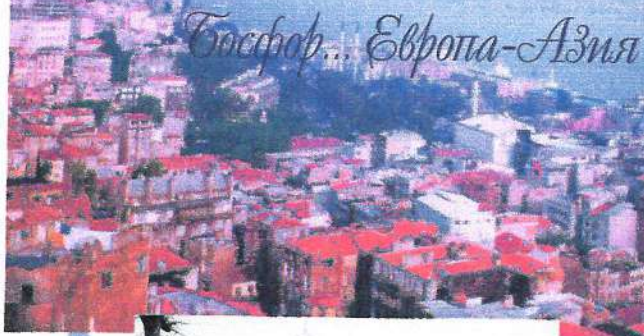

Задраиса. (Эльбрус)

Кочетора Кука

Босфор... Европа-Азия

Фламандская зима

Византия

Костора Кука

А расплываться уже не дают (Рейхстаг, Берлин)

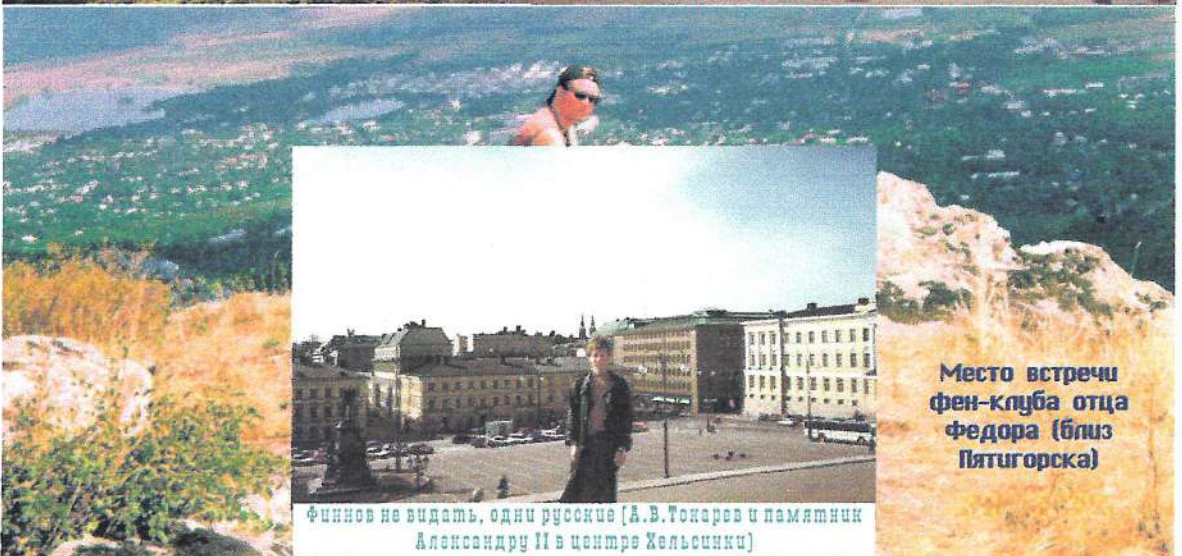
Кавкази

Здесь еще не ступала нога сабита. (Польские Топры)

С горячими финскими девушками (Хельсинки)

Финнов не видать, одни русские (А.В.Токарев и памятник Александру II в центре Хельсинки)

Место встречи фен-клуба отца Федора (близ Пятигорска)

Подготовка первоклассников к сочинению – описанию животного на основе личных впечатлений.

Невзорова Пелагея

“Четвероногий Геринг”

Гер – хорошее имя для чистокровной немецкой овчарки. Мы хотели его купить и оставить на даче сторожить. Но тогда Гера был еще слишком маленьким для сторожевого пса, и мы забрали его в Москву. Так он и остался жить с нами. Некоторые люди его боялись, но, познакомившись ближе, понимали, что он добрейшее существо.

Сам Гера рыжий, как и подобает немецким овчаркам, с иссиня-черной спиной. Когда он был еще щенком, уши болтались, а громадными лапами он мог, как казалось, проломить асфальт. Сейчас он вырос и стал более пропорциональным по отношению к своим же лапам. Наверное странно, что громадную псину не всегда можно найти в маленькой квартирке, а иногда даже забываешь, что он дома. Просто Гера, как никто другой, умеет прятаться под столом и тихо там спать, даже не думая о том, что мы его ищем по всей квартире.

У моего “крошечного песика” очень веселый, ласковый и добродушный характер. И вот подтверждение тому: когда мы сидим за столом, Гера обычно трется где-то рядом или лежит под ним, но как только кто-нибудь берет в руки хлеб, сыр, или еще что-нибудь съедобное, он подходит и кладет свою мордочку и передние лапы на колени. Ну как тут не дать ему кусочек? В отличие от других собак, мой немец ест буквально все: от сырого мяса до творога и соленых огурцов. На даче он ест малину и вишню прямо с веток.

Я очень люблю своего Геринга и очень им горжусь.

Айдарова Анжела

“Клеопатра”

Летом, в июле, у меня появился котенок. Ей было всего два месяца. Она весила как пушинка! И была очень весела и задорна. Мы ее назвали Клеопатра. Потому что ее красота превышала все границы! Кратко мы ее зовем Клепа или Клео. Клепа – британская голубая, но цвета она вышла коричневого. Кошки этого цвета очень редки! Она с детства полюбила корзинку, в которой спит. Если Клепу что-то не устраивает, она начинает рвать в туалете бумагу. Она любит хулиганить и царапаться. Если мы мало уделяем ей внимания, она становится очень ласковой и все время трется о ноги. Нельзя предугадать, что она будет делать через секунду, другую. Бывает, спрячется где-нибудь и за вами следит, она отзывается только на мой голос.

Я ее очень люблю.

Сапронова Ксения

“Василий”

Однажды моя сестра заболела, и ее положили в больницу. Она скучала, и родители выполнили ее давнюю мечту – купили котенка. Мы его назвали Васькой.

Раскраска у моего котика очень интересная, можно сказать “девчачья”. Василий весь черный, с белым раздельным “купальником”. Верхней частью “купальника” он похож на гималайского мишку.

Василий – большой озорник. Он любит играть в “индейцев”, с криком бежит он то за нами с папой, то от нас. С удовольствием играет с мячиком и в прятки. Всегда провожает нас и встречает, а еще очень рано будит, за что папа зовет

его “петухом”. Васька любит сидеть на подоконнике и смотреть на улицу. Однажды он подошел к окну, но шторы были закрыты. Мы с мамой с любопытством смотрели, что он будет делать. Вася встал на задние лапки, а передними вцепился в штору, мы с мамой так и покатались со смеху.

Я очень люблю Василия за то, что он игривый, веселый, иногда ласковый. Он любимец нашей семьи, поэтому мы каждый год отмечаем его день рождения!

Нестерова Виктория

“Ворона”

Эта ворона появилась во дворе давно. Ее сразу можно отличить от других ворон. У нее сломано крыло и она волочит его по земле.

У вороны мощный клюв и большие черные, немного печальные и умные глаза. Вокруг глаз и клюва идут черные перышки, дальше темно серые. Перья совсем светлые идут на спине и около крыльев. Эта ворона очень умная. Она сторонится людей и еще не съедена кошкой. Но пропитание найти ей очень трудно. И мы стали приносить ей хлеб, кусочки сала и печенья.

Ворона очень любит сидеть на куче рыхлой земли и гордо осматривать окрестности. Ворона считает наш двор своим и знает каждый закоулочек. Еще ворона любит сидеть на обочине дороги и смотреть, как люди выходят из подъезда, как проезжают мимо машины.

Однажды я увидела, как ворона сидит возле чьей-то норки и ждет. И вдруг из норки появилась серая голова. Ворона проворно схватила и вытащила животное. Крыса! Птица, играя, перекинула крысу через себя пару раз и, повернувшись к ней, пробила крысе череп. Вот какая умная птица!

Мне очень нравится ворона, и я очень волнуюсь, когда ее нет.

Силантьев Саша

“Пушкин”

Сейчас я очень хочу иметь медвежонка, но в первом классе мне очень хотелось попугая. Во втором классе моя мечта почти осуществилась: я спас от кошки вороненка.

Сначала мы хотели назвать его Чернушкой, потому что он ходил так важно, как будто хотел изобразить Черную курицу из книги “Черная курица, или подземные жители”. Но потом мы назвали его Пушкиным, потому что мы нашли его в юбилей Александра Сергеевича. Пушкин оказался нахаленком и лентяем.

Сначала он был черно-серым, мягким и пушистым, с огромным, постоянно открытым желтым клювом и маленькими розовыми лапками. Крылья тоже были маленькими. Он не каркал, а смешно пищал. У него был смешной маленький, остренький, розовый язычок.

Он быстро рос и покрылся черными лоснящимися перьями. Его крылья стали большими, а клюв нормальным по пропорциям к голове.

И характер становился все вреднее и ленивее. Жил он уже в коробке на окне со стороны улицы и постоянно долбил стекло и требовал есть. Приучить его есть самостоятельно потребовало больших усилий. Он постоянно рвался в окно и почему-то стремился залезть в ванную. Мы с папой учили его летать – сажали на палку и подбрасывали его вверх. Он смешно раскрывал крылья, но летать не хотел.

Но мы тоже были упрямыми и все-таки научили его летать.

Взрослые вороны летали над ним и предупреждали об опасности, а он,

испуганный, бежал к нам. И однажды он улетел.

Я очень привязался к вороненку, мне было очень жалко, что он улетел, но я понимаю, что он должен жить в своем мире, вить гнезда, выращивать своих птенчиков, быть самостоятельной вольной птицей.

Ильченко Евгения

“Теркеш”

В доме Теркеш появился раньше, чем я. Теркеш – среднеазиатская овчарка. Мама привезла его из Туркмении. Дело в том, что в Туркмении не принято заботиться о своих собаках, и азиатам самим приходится добывать себе еду. Все Теркешкины братья погибли от недостатка молока, а Теркеш выжил. Тогда “добрые” хозяева выкинули маленького слепого щенка в пустыню. Там и подобрала его мама.

Теперь Кеша вырос и стал большим и красивым псом. Когда я была маленькая, я смотрела на него снизу вверх, и мне он казался огромным великаном. Но для своей породы Теркеш считается слишком маленьким и изящным. У него на лбу два больших черных пятна, кожаный нос, острые белые зубы и пятнистая спина.

Когда Кешка был молодой, он был злой и кусачий. Но мы заметили, что он становился чем старше, тем добрее. Теперь ему одиннадцать лет. Он позволяет мне гладить его и целовать его в нос.

Наш пес боится грома и вообще резких и громких звуков. На даче, во время грозы, Кеша выскакивает за калитку и бежит, куда глядят глаза. Через несколько минут он возвращается, заскакивает домой и забивается в дальний угол дальней комнаты. Если к нам решат залезть грабители, чтобы избавиться от собаки, надо лопнуть под дверью шарик.

Я очень люблю Теркеша, несмотря на его недостатки. Даже не знаю почему, люблю и все!

Илюткин Дима.

Однажды летом мы отдыхали на Черноморском побережье. Мы жили в домиках, в горах. Как-то раз я проснулся от странного пронзительного крика. Я вышел на балкон, но там никого не было. И так повторялось три утра подряд. В очередной раз я не стал открывать дверь, а просто выглянул из-за шторы окна.

Крупная птица с глазами словно бусинки сидела на столе. Это была сойка. Ее голова и спина были светлого, охра-песочного цвета. Казалось, что она накинула платок, из-под которого выглядывает черный хвост. Под крыльями виднелись перья ярко-голубого цвета, как небесный свод. Своим острым клювом сойка крошила хлеб и с удовольствием поедала одну за другой крошки.

Я тихо открыл дверь. Сойка хитро посмотрела на меня и попятилась назад. Она ухватила корку хлеба и села на перила. Было такое впечатление, что птица дразнит меня. И только я сделал один шаг, как сойка ловко слетела с перил и исчезла за стволами деревьев. С этого дня я стал оставлять на столе хлеб. Эта птица мне понравилась своей красотой и хитростью.

Боровская Таня

Кот Чарлик появился у нас в доме, когда мне было всего два года. Однажды мы с мамой возвращались из музея и случайно зашли в парк. Там продавали котят. Один котенок был черного цвета, с белой грудкой и лапами. Еще у него были большие зеленые глаза. Нам с мамой он очень

понравился. Мы сразу решили его купить.

Котенок не сразу привык к новой обстановке. Некоторое время он чувствовал себя не очень уверенно, но скоро привык к нам. Мы назвали его Чарликом. Сейчас ему уже девять лет. Это гладкий и упитанный кот. Чарлик очень ласковый. Он любит сидеть на руках у людей. При этом он громко мурчит и трется щекой. Чарлик никогда не царапает и не кусает нас. Он очень терпеливый и понятливый. Однажды Чарлик серьезно заболел, и маме пришлось делать ему много уколов. При этом кот ни разу не попытался вырваться, хотя ему было очень больно.

Летом мы всей семьей отдыхаем на даче. Там кот Чарлик охраняет наш участок от чужих котов. Он с громким криком бросается на них и гонит прочь. Часто достается и ему самому. Нам приходится лечить его боевые раны. Но никакие травмы не могут усмирить его воинственный характер. Чарлик хорошо ловит мышей. Один раз он даже напал на ласку и загрыз ее. Зимой Чарлик любит спать на батарее. Во сне у него дергаются усы и клацают зубы. Наверно, ему снятся летние сражения.

Мы очень любим своего кота. Чарлик стал настоящим членом нашей семьи.

Криваксина Серафима

“Моя собака Фред”

Однажды мама принесла домой маленького щенка немецкой овчарки. Папа назвал его Фредом.

Сейчас он уже вырос. Морда у него стала узкая и длинная, светлого цвета, а глаза как бы обведены черным контуром, а два стоящих черных острых уха окончательно делают его похожим на египетского бога Анубиса. На спине у него

густая шерсть, на груди и на шее переходит почти в белый цвет, она гладкая, густая, с шелковистым отливом. Он стройный и мускулистый.

У него есть родная сестра, Дана, совершенно белого цвета, которая всю зиму провела на улице и сторожила дачный поселок. Поэтому шерсть у нее стала пушистой. Фред тоже сторожил наш дом в деревне, он жил там с бабушкой Людой и младшей сестрой Юлей. Сторож никого не подпускает к дому. Он так громко лает, что его боится вся деревня, а своих он любит. Зимой он катает нас с сестрой на санках. Он хорошо выполняет команды: сидеть, лежать, стоять, ко мне, на место, служить и иногда петь. Я ходила с ним гулять и постоянно учила этим командам.

Летом мы часто ходим купаться на пруд, и Фред боялся подходить к воде. Папе пришлось силой затащить его в воду. Зато потом ему это так понравилось, что он всегда с удовольствием бросался в воду с берега.

Но с ним была единственная беда, когда он видел соседских кур, в нем просыпался охотничий инстинкт, и ничто его не могло остановить. А когда курица сама забредала на наш участок, Фред расправлялся с ней в один миг. Однажды в наш сад пробралась соседская индюшка, и ее тоже постигла такая же печальная участь. Сосед ругался с бабушкой из-за Фреда, а бабушка говорила, что лезут на наш участок. В результате сосед сделал забор, а Фред был послан на цепь рядом со своей будкой. Но бабушка утром и вечером ходила с ним гулять в лес на поводке. И вот, идет бабушка с Фредом после вечерней прогулки, и выходят на дорогу очередные соседские курицы. Фред как рванет за ними изо всех сил, а бабушка упала и сломала руку. Ее возили в больницу и накладывали ей гипс.

После чего Фреда пришлось отдать фермеру Егору, сторожить ульи на пасеке. Там Фред и провел эту зиму. Он очень скучал и иногда срывался с цепи и прибегал к бабушке, а если повезет, то прихватит соседскую курицу.

Мама говорит, что мы обязательно заберем его к себе, когда достроим дом и сделаем ему вольер. Ведь мы с сестрой скучаем по нему.

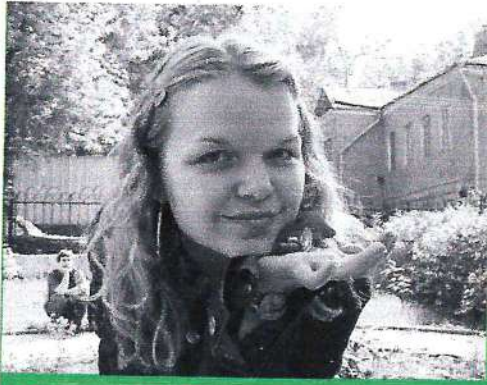
Стариковская Ксения

Однажды мы с папой и мамой пошли на Птичий рынок за шлейкой для нашей собаки. Но вот мы попали в очень странные ряды. На прилавках ничего не было, зато с крыш рядов свисали специальные конструкции, в которых стояли пронумерованные переносные клетки для птиц. В этих маленьких клеточках сидели кенары разнообразной окраски: желтые, белые и персиковые птички, а также природной окраски - цвета хаки и с желтыми пузиками. Все птицы пели на разные голоса, а один кенар цвета персика баловался водой. Он набирал жидкость в клюв, закидывал голову и как бы полоскал горло. Вся наша семья была очарована этим пением и встала, как вкопанная.

И вдруг до нас донесся свист чайника. Откуда он? Откуда здесь чайник? Вдруг мы увидели одного кенара, который открыл клюв, но пения не было слышно. Мы думали, что песню перебивает свист чайника, но оказалось, что это поет, точнее, свистит эта птичка. Он пленил нас своим свистом, и мы взяли его. Наш кенар, которого мы впоследствии назвали Ричардом, сидел в клеточке под счастливым номером 3.

Он похож на маленького воробушка. Спинка и головка у него болотного цвета, на крылышках – темненькие пятнышки, как у воробьев, а пузико и щечки – ярко-желтые. Когда на него падает свет, то ярко светятся озорным огоньком его маленькие глазки-бусинки. Длинный белый хвост – Ричино украшение, и на фоне его роскошного хвоста очень смешно смотрятся маленькие тоненькие розовые лапки. Когда мы привезли Ричи домой, он всех боялся, при виде человека издавал тонкий писк, пока человек не уйдет. Но потом он привык и перестал нас бояться, и даже стал петь свои рулады в нашем присутствии. Когда подносишь палец к прутьям клетки, он вытягивается в струнку, затем присаживается, открывает клюв и яростно трепещет крыльями и хвостом. Однажды моя бабушка связала Ричарду гнездо, наподобие блюдечка, и повесила к нему в клетку. Сначала Ричи сторонился гнезда, но сейчас он привык и очень привязался к нему, и даже стал защищать его. Каждым вечером Ричи таскает свои самые любимые семечки в гнездо, устраивается в нем поудобнее и начинает свой ужин.

Я очень люблю своего Ричи, по-видимому, он меня тоже любит, потому что, когда я прихожу после школы в свою комнату, Ричард сразу спрыгивает на нижнюю веточку, а когда я засовываю руку в его клетку, то Ричи не дерется с нею, а садится на руку. У нас с Ричи просто прекрасные отношения.

Тузгилова Полина

Левинская Мария

Семенова Александра

Чумаков Борис

Смолянинов Андрей

Сенковенко Ксения

Федорова Алина

Нисенкина Алиса

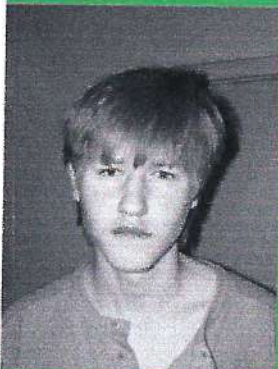
Киселев Петр

Смолянинова Юлия

Царева Екатерина

Майзулин Усман

Харченко Андрей

Балашов Иван

Константина Дарья

Бутко Ольга

Швинкова Ксения

Лоласкина Марфа

Чебардова Мария

Ананьев Дмитрий

Котова Светлана

Преображенская
Марина

Качалов Александр

Нисолаева Наталья

Балашова Александра

Мартынов Сергей

Леонтьева Наталья

Подрячева Светлана

Иваченко Зера

Тарасова Алена

Гантимуров Данил

Самойлова Екатерина

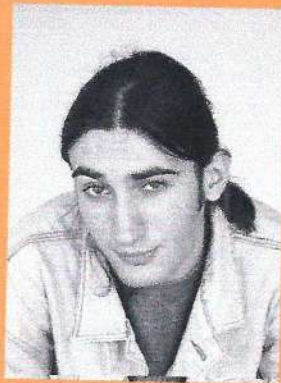
Комарова Татьяна

Быкова Дарья

Иванова Анна

Феслина Никита

Кириллов Артём

Содержание

Кельберер

Кельберер Борис Алексеевич
Воспоминания 2

Вахта-2

Усман Шайдулин
Рисунки по ночам 19

Мое

Георгий Шишкин
Две лирических тетради 21

Коптора Кука

Андрей Вячеславович Токарев
Отчет о работе за рубежом 28

Терми

Сочинения первоклассников 32

Выпуск 2002

Полина Гнездилова
Фотоальбом 37

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Азарова М.В., Гантимурова Г.А.,
Иванов В.А. (гл. редактор),
Киреева О.Н., Козина Е.Н.